

О выборномъ началѣ въ церкви¹⁾).

Вопросъ о выборѣ членовъ причта прихожанами является однимъ изъ существеннѣйшихъ въ общемъ вопросѣ о возрожденіи современнаго прхода, какъ первичной ячейки церковно-общественной организаціи. Современный приходъ поражаетъ наблюдателя отсутствіемъ живой, органической связи между составляющими его членами и прежде всего между духовенствомъ и прихожанами. Современный священникъ представляетъ собою не

¹⁾ Докладная записка въ Таврическую епарх. комиссію для предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго церковнаго собора.

пастыря въ строгомъ смыслѣ этого слова, не руководителя и воспитателя своихъ прихожанъ, а скорѣе только оффиціального совершителя требъ, чиновника присланнаго начальствомъ для отправления извѣстной службы. Въ этихъ службно-оффиціальныхъ отношеніяхъ между духовенствомъ и прихожанами установился полный разрывъ. Не менѣе рельефно выступаетъ въ жизни современнаго прихода и другая характеристическая его черта, именно—отсутствіе дѣятельнаго участія прихожанъ въ жизни церковной и разрывъ тѣсныхъ взаимоотношеній. Причинами, содѣйствовавшими упадку церковно-приходской жизни, по взгляду нѣкоторыхъ изслѣдователей этого вопроса—г. Папкова, Ровинскаго и др., были: бюрократизмъ охватившій всѣ стороны общественной жизни, централизація государственной власти со времени Петра I, закрѣпощеніе крестьянъ и сословная замкнутость духовенства. Послѣдняя собственно и имѣетъ непосредственное отношеніе къ поставленному нами вопросу. Понятно, что эта сословная замкнутость духовенства, составляющая одну изъ коренныхъ причинъ упадка современнаго русскаго прихода, и должна быть уничтожена для оживленія приходской жизни новымъ духомъ. Съ этою цѣлью проектируется избраніе членовъ духовенства самими прихожанами изъ излюбленныхъ ими достойныхъ лицъ, какъ это было въ первенствующей христіанской церкви и въ истовіи древней Руси, до закрѣпощенія русскихъ крестьянъ въ концѣ XVI в.

Но вопросъ о возможности предоставленія самимъ прихожанамъ права избирать членовъ клира слишкомъ сложный и серьезный, и рѣшеніе его требуетъ величайшей осторожности.

Представители проектируемаго возрожденія русскаго прихода исходятъ изъ той мысли, что въ древней христіанской церкви все основано было на живомъ взаимодействіи всѣхъ членовъ, пастырей и пасомыхъ, при чемъ послѣдніе прини-

мали активное участіе въ дѣлахъ церкви. Дѣйствительно, въ первенствующей христіанской цркви, при сильномъ подъемѣ чувствъ и обиліи богатыхъ даровъ, изливавшихся на вѣрующіхъ, у всѣхъ нихъ было едино сердце, и пастыри цркви избирались общиною изъ достойнѣйшихъ ²⁾. „Безчисленное множество жителей, всѣ принадлежащіе ко вселенской церкви, читаемъ мы объ избраніи св. Аѳанасія Великаго во епископа, собравшись вмѣстѣ и единодушно, какъ бы во единомъ тѣлѣ вопіяи, требуя во епископа церкви Аѳанасія“ ³⁾. По смерти Константинопольскаго епископа Нектарія, „подъ многократныхъ совѣщаній согласились (вѣрующіе той церкви) вызвать изъ Антиохіи пресвитера Іонна... и царь Аркадій, по общему опредѣленію всѣхъ, т. е. клира и народа, призналъ его“ ⁴⁾. Но со времени распространенія христіанской церкви и вѣшняго торжества ея врагъ—человѣкъ посѣялъ на нивѣ Христовой и плевелы. Въ избраніи клира ародомъ явились страшныя злоупотребленія. За партійной избирательной агитаціи нерѣдко, по словамъ св. Григорія Богослова, прибѣгали „къ убиству и насиліямъ“, „каковой худой образецъ ароднаго избранія и превозмогъ въ послѣдствіи“ (21 слово). Рассказывая „о смятеніяхъ“ въ г. Кессаи по случаю избранія епископа, тотъ же св. отецъ замѣчаетъ; „каждый видѣлъ ясно, кто преимуществуетъ предъ всѣми, какъ солнце предъ звѣздами (разумѣется Василій Вел.), особенно всѣ почтеннѣйшіе изъ гражданъ, всѣ принадлежащіе алтру и наши назореи (монахи), на которыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ большей частію, должны были бы лежать подобныя избранія, въ какомъ случаѣ церковь не терпѣла бы никакого зла; тогда какъ избранія сии зависятъ отъ людей богатыхъ и сильныхъ и еще больше отъ буйства и безразсудности черни, даже

²⁾ Пр. Н. Петровъ. о возр. прих. 221.

³⁾ Твор. Аѳ. вел. въ рус. пер. Изд. 2-е. Ч. I я, стр. 25.

⁴⁾ Сократъ. Цер. ист. кн. VI ч. 2.

между чернью отъ людей самыхъ послѣднихъ (18 слово).* Въ 21 словѣ св. Григорій весьма подробно описываетъ, какъ бы для иллюстраціи выборнаго начала, и примѣръ „худого образца, превозмогшаго въ послѣдствіи“. Повѣсть идетъ объ изгнаніи св. Аѳанасія Вел. изъ Александріи, по проискамъ нѣкоего проходимца, успѣвшаго занять освободившуюся епископскую кафедру въ Александріи.

Такихъ повѣстей „о народномъ избраніи“ пастырей изъ первыхъ вѣковъ христіанства, конечно, не одна. Плодами такого „избранія“ были авантюристы епископы, слабые въ православіи, но сильные въ проискахъ, и авантюристы священники, которыхъ тотъ же св. отецъ характеризуетъ далеко не лестно: „вчера святотатцы, а нынѣ священники, вчера не смѣвшіе приступить къ святынямъ, а нынѣ тайноводители; устарѣвшіе въ порокахъ, и новоявленные въ благочестіи, *произведеніе человѣческой милости*, а не дѣло благодати св. Духа,—они весь путь свой ознаменовали насиліемъ (агитируя въ свою пользу) и наконецъ гнетутъ самое благочестіе“ (21 слово)⁵⁾.

Вслѣдствіе такихъ злоупотребленій открылась настоятельная необходимость уничтожить обычай избранія мірянами на епископство и пресвитерство. Это и установлено было 5 пр. Лаодикійскаго собора и 3 пр. седьмого вселенскаго собора.

Древняя Русь приняла христіанство уже въ ту пору, когда свободное избраніе членовъ причта прихожанами было отмѣнено или ограничено каноническими правилами вселенской церкви и по видимому не должно было бы имѣть примѣненія въ практикѣ русской церкви. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей государственнаго устройства на исконныхъ общинныхъ началахъ русской жизни и церковный приходъ былъ устроенъ на тѣхъ же общинныхъ началахъ. Христіанскій храмъ привлекъ къ себѣ всѣ общественныя силы, сдѣлавшись

⁵⁾ П. А. Соколовъ: о выб. нач. въ Цер. 810.

центромъ всей религіозно-общественной жизни и дѣятельности новопросвѣщеннаго русскаго народа. Устроая церкви и обезпечивая ихъ содержаніе собственными средствами, древне-русскіе христіане безъ различія классовъ и званій пользовались правомъ выбора священника и другихъ членовъ причта къ своей приходской церкви и совершали изъ избранными такъ называемыя „порядныя запис“, что было санкціонировано и укрѣплено за приожанами стоглавнымъ соборомъ. Приходская община принимала на себя обязательство заботиться о поддержаніи избраннаго ею церковнаго причта, причемъ это содержаніе, кромѣ платы за требы, азначалось, главнымъ образомъ, изъ доходовъ съ церковнаго имущества, которымъ распоряжался всецѣло сама же приходская община. Доходы съ церковныхъ имуществъ употреблялись далеcone на одно только содержаніе церкви и причта: значительная часть ихъ шла на дѣла благотворительныя. На погостахъ около церкви, вмѣстѣ съ оповскими и причетническими дворами, существовали и дворы богадѣльные подъ названіемъ „мѣлій для нищихъ“. Почти въ каждомъ древнерусскомъ приходѣ при церкви на общій счетъ содержался особый „мастеръ“, т. е. учитель, который избирался изъ членовъ приходскаго причта, ли же изъ лицъ свѣтскаго званія, который по соглашенію съ родителями собиралъ къ себѣ дѣтей для обученія грамотѣ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ взаимоотношеній прихожанъ были такъ называемыя „братчины“, представляющія изъ себя кѣ бы прототипъ послѣдующихъ южно-русскихъ церковныхъ братствъ. Эти братчины владѣли правомъ не только надзора за благочиніемъ и тишиноюна братскихъ собраніяхъ, но и правомъ суда надъицами, совершившими во время братскихъ празднествъ разныя преступленія ⁶⁾.

Нельзя, конечно, отрицать того, что въ эй

⁶⁾ Проф. Н. Петр. 220.

древней организаціи приходской жизни было много свѣтлыхъ, чисто-христіанскихъ сторонъ, каковы: братолюбіе, милосердіе, общительность и т. п. Но, къ сожалѣнію, подобно тому какъ это было и въ древней вселенской церкви, вмѣстѣ съ развитіемъ выборнаго начала развивались злоупотребленія; въ жизни церкви обнаруживалось весьма много темныхъ и нежелательныхъ явленій. Прежде всего необходимо отмѣтить, что приходская община не всегда пользовалась исключительнымъ правомъ выбора себѣ священниковъ: въ значительной мѣрѣ раздѣляли съ нею это право помѣщики, вотчинники, дворецкіе и иные чиновники княжескіе, а также и патроны приходо́въ. Первые иногда покупали рабовъ и представляли ихъ къ рукоположенію въ священныя степени съ тѣмъ, чтобы въ нихъ имѣть особую статью дохода. Обыкновенно съ выборнымъ заключался договоръ, въ которомъ опредѣлялись взаимныя отношенія, обязанности, сумма вознагражденія и проч., а затѣмъ уже онъ представлялся для посвященія епископу. Вотъ, напр., что отъ лица собора писалъ митрополиту Кириллу патріархъ Германъ въ 1228 г.: „Дошло да слуха смиренія нашего, что нѣкоторые въ странѣ русской сперва покупають людей, потомъ, сдѣлавъ ихъ рабами своими, отдають ихъ, оставляя плѣнниками, учителямъ учить священной грамотѣ и ученію, и затѣмъ приводятъ ихъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ ихъ напередъ отъ рабскаго ига. Епископъ поставляетъ ихъ и господа получаютъ чрезъ нихъ корысть“ ¹⁾. Возможна ли при такомъ порядкѣ выбора та внутренняя связь между пастыремъ и прихожанами, о которой говорятъ мечтающіе о возрожденіи прихода?

Да и дѣйствительно ли прихожане старались узнавать большее число пастырей и кандидатовъ на пастырство и изъ нихъ выбирали достойнѣйшихъ?

¹⁾ Истор. Рус. Цер. Филарета, пер. I-й, стр. 195.

Въ отвѣтъ на эти вопросы исторія намъ говоритъ, что „прихожане часто избирали кандидатовъ неграмотныхъ, лишенныхъ сана, переманивали къ себѣ священниковъ изъ другихъ приходовъ“, словомъ, избирали очень часто не лучшихъ, а болѣе ловкихъ,—тѣхъ, кто общалъ брать съ прихожанъ меньше „руги“ и могъ подкупить ихъ. Бывали случаи, и очень частые, когда прихожане избирали себѣ такого попа, отъ котораго потомъ приходилось отдѣлываться при помощи самаго грубаго насилія; и вообще при прежнихъ порядкахъ въ пастыри нерѣдко попадали темныя личности, невѣжды и всякіе пройдохи. Нс зато люди, желавшіе служить Церкви Божіей по призванію и достаточно просвѣщенные, истинные пастыри, не находили себѣ приходовъ, потому что не хотѣли идти на безчестные подкупы и попойки—средства, которыя были въ большомъ ходу при старыхъ порядкахъ. Съ другой стороны „прихожане не стѣснялись и прогоняли отъ себя ими же избранныхъ священниковъ; священники самовольно покидали свои приходы и искали лучшихъ; дворецкіе и дьяки княжихъ селъ передавали церкви не достойнѣйшимъ, а тѣмъ, кто имъ больше заплатилъ за мѣсто“. Такой произволъ былъ въ особенномъ ходу на югѣ Россіи. Число изгнанныхъ и самовольно ушедшихъ священниковъ, такъ называемыхъ „крестцовыхъ“ и безмѣстныхъ поповъ достигло угрожающихъ размѣровъ. Тѣсной внутренней связи между прихожанами и священниками тутъ, очевидно, не было. Бывали и такіе примѣры, когда прихожане чувствовали себя хозяевами храма и клира, вмѣшивались даже въ дѣла Богослуженія. „Ты нашъ ставленникъ“,—говорили они священнику,—„и служи намъ по нашему, съ перехватами, да съ проволокою“⁸⁾.

Злоупотребленія со стороны прихожанъ вбромъ себѣ пастырей и недовольство сихъ посѣд-

⁸⁾ С. П. Поляковъ. О реф. прих. 567.

нихъ своимъ положеніемъ были такъ часты и велики, что уже во второмъ періодѣ, въ началѣ XVI в., мы видимъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію права выбора священниковъ мірянами. Такъ, Виленскій соборъ 1509 г. предоставилъ епископу право замѣщать должность священника по своему усмотрѣнію, если прихожане въ теченіе 3 мѣс. не осуществляютъ своего права выбора. Митрополитъ Іосифъ II предоставилъ епископу это право не только въ указанномъ случаѣ, но и тогда, когда, по усмотрѣнію архіерейскому, выбранный прихожанами кандидатъ окажется почему-либо не достойнымъ.

Ограниченіе права прихожанъ выбирать себѣ священника пло въ каждомъ періодѣ русской церкви ⁹⁾ прогрессивно, пока, наконецъ, и духовная и свѣтская власть не признала, въ четвертомъ періодѣ, что выборъ духовенства—не дѣло прихожанъ. Нельзя конечно отрицать, что и при выборномъ началѣ были отрадные явленія въ жизни прихода, были священники тѣсно по духу связанные съ приходами; но изъ указанныхъ способовъ выбора священниковъ видно, что такія явленія скорѣе зависѣли отъ личныхъ качествъ пастырей, чѣмъ были плодами выборнаго начала.

Такимъ образомъ ни въ исторіи вселенской церкви, ни въ исторіи русской церкви мы не находимъ достаточныхъ основаній утверждать, что выборное начало укрѣпляло нравственную связь между приходомъ и пастыремъ. Можетъ быть настоящая жизнь прихода даетъ право и основаніе заключать, что выборное начало измѣнить нынѣшнія въ большинствѣ случаевъ сухія отношенія между пастырями и пасомыми? Въ кое-какихъ

⁹⁾ Жизнь духовенства въ исторіи отмѣчается тремя гранями, которые дѣлятъ всю исторію русской церкви на четыре періода: періодъ домонгольскій (988—1237), періодъ сѣверно-русской митрополіи до учрежденія патріаршества (1237—1587), періодъ патріаршій до учрежденія Синода (1587—1700 г) и періодъ синодальный (съ 1700).

областяхъ крестьянской жизни и теперь имѣетъ примѣненіе выборное начало. Заглянемъ въ эти области и провѣримъ, дѣйствительно ли крестьяне, пользуясь правомъ выбора, избираютъ всегда, и по крайней мѣрѣ—большею частію, лицъ достойныхъ, и существуетъ ли между лицами избранными и избравшими тѣсная связь. Теперь крестьяне избираютъ себѣ сельскаго старосту, волостнаго старшину, волостныхъ судей, церковнаго старосу, такъ называемыхъ представителей для ежемѣсячной провѣрки отчетности по приходу и расходу церковныхъ суммъ. Священникъ ближе другихъ стоитъ къ своему приходу и лучше другихъ знаетъ своихъ прихожанъ. Спросите любого священника, какъ происходятъ выборы означенныхъ должностныхъ лицъ, особенно болѣе значащихъ изъ нихъ: сельскаго старосты, старшины и судей. Естественно было бы ожидать, что отвѣтъ будетъ благопріятный: вѣдь сии послѣднія лица призываются къ защитѣ житейскихъ, а не отвлеченныхъ,—самыхъ близкихъ интересовъ крестьянской среды; поэтому, казалось бы, избирающіе должны бы быть особенно внимательны и избирать лицъ достойныхъ, справедливыхъ и способныхъ по своей энергіи нести эту службу. Но нѣтъ, не таковъ будетъ отвѣтъ,—отвѣтъ, я думаю, большинства. Вамъ скажутъ, что картина и результаты выборовъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ очень и очень не привлекательны. Но объ этомъ нѣтъ надобности много распространяться, такъ какъ это фактъ общезвѣстный, особенно для сельскихъ жителей.

Значительное неудобство примѣненія выборнаго начала заключается еще и въ томъ, что у крестьянъ большею частію отсутствуетъ должный критерій для оцѣнки духовенства. Кто живетъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какъ часто крестьяне бываютъ нетребовательны относительно умственныхъ качествъ духовенства и какой вообще у нихъ своеобразный критерій для оцѣнки духовенства. За „простоту“ въ обхожденіи они иногда сниско-

дительно смотреть на такого священника, который не только съ умственной, но и съ нравственной стороны совершенно не соотвѣтствуетъ своему сану. Бываютъ напр. случаи, когда прихожане, какъ говорится, горой становятся за священника, за нетрезвость и разные иные соблазнительные проступки осуждаемаго епархіальнымъ начальствомъ. Да и изъ кого прихожане стали бы выбирать кандидатовъ священства? Въ современномъ сельскомъ приходѣ, кромѣ сыновей мѣстнаго причта или псаломщика и учителя, нѣтъ сколько-нибудь подходящихъ кандидатовъ священства; на этихъ случайныхъ кандидатахъ и долженъ остановиться выборъ прихода, т. е. выборное начало опять, какъ было прежде, поведетъ только къ наслѣдственной передачѣ мѣстѣ. Если же крестьяне станутъ выбирать изъ своей среды, то такіе пастыри въ лучшемъ случаѣ будутъ лишь грамотѣями начетчиками, а чаще всего тѣми безграмотными іереями, на которыхъ когда-то горько жаловались Новгородскій владыка Геннадій и Стоглавый соборъ. Не говоря уже о томъ, что религіозные запросы деревенской интеллигенціи останутся совершенно не удовлетворенными, но въ томъ и другомъ случаѣ наша народная масса еще на много лѣтъ застынетъ въ своемъ религіозномъ невѣжествѣ, представляя собою самую воспріимчивую почву для разныхъ раскольниковыхъ и сектантскихъ лжеученій.

Итакъ, очевидно, ни исторія вселенской церкви, ни исторія нашей русской церкви, ни, наконецъ, условія современной жизни приходовъ совершенно не даютъ намъ никакихъ основаній приписывать выборному началу благодатныхъ послѣдствій прочной нравственной связи прихода съ пастыремъ. Посему и предположеніе, что за возстановленіемъ выборнаго начала послѣдуетъ и возрожденіе прихода, какъ апріорное, принадлежитъ къ области мечтаній... Возлагать надежды на приходскіе выборы можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы можно было поручиться за то, 1)

что выборъ всегда будетъ безошибоченъ, избиратели идеальны, избранный—наилучшій, 2) что выборъ улучшаетъ пастыря, 3) что выборное начало сохранить его отъ всѣхъ паденій и искушеній и 4) что навсегда сдѣлаетъ его дорогимъ для его избирателей. Но это—мечтанія, и только питаюсь ими, можно вѣрить, что выборные пастыри будутъ лучше теперешнихъ уже по одному тому, что они будутъ „выборными“. Выборный порядокъ едва ли можетъ нравственно возвысить пастыря. Напротивъ, при такой власти овецъ надъ нимъ, при ихъ бладаніи имъ, можно ли говорить, что онъ пастырь овецъ, а не батракъ ихъ, закрѣпощенный и придавленный ими? Вспомните наше безмѣстное „кретцовое“ духовенство, какъ результатъ древняго юрьядка; вспомните борьбу мірянъ съ епископомъ изъ-за недостойныхъ священства избранниковъ... Почему-нибудь былъ же канонически отмѣненъ этотъ порядокъ, какъ вредный для церковной жизни?

Впрочемъ, высказываясь категорически противъ примѣненія выборнаго начала въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ древне-русской церкви, мы не отвергаемъ его совсѣмъ. Примѣненіе выборнаго начала къ духовенству возможно и желательно, но не въ той формѣ, которую предлагаютъ авторы проектовъ, совершенно незнакомые съ складомъ и порядками приходской жизни.

Въ древней христіанской Церкви, гдѣ пригнѣнялось выборное начало, избирающею единицею была епархія, а не приходъ; во главѣ избирателей стоялъ епископъ съ соборомъ пресвитеровъ, а не полуграмотная толпа, хотя въ послѣдствіи и это было. Не нужно забывать того, что въ то время религіозное образованіе мірянъ стояло неизмѣрно выше, чѣмъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда религіозное невѣжество одинаково царитъ и въ крестьянствѣ и въ интеллигентной средѣ, и, следовательно, участвовавшіе въ избраніи міряне являлись болѣе компетентными избирателями, чѣмъ

современный приходъ. Въ то время не было разнообразныхъ специальныхъ высшихъ школъ, которыми гордится наше время, но за то была обязательная для всѣхъ церковная школа, въ которой каждый былъ наставляемъ въ истинахъ вѣры Христовой; тогда совершенно немислимо было то чисто формальное, вводимое только ради сохраненія консервативныхъ приличій, преподаваніе Закона Божія, которое имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ нашихъ школахъ христіанскихъ только по имени. Помимо извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, отъ кандидата на іерархическую степень требовалась твердость въ ученіи, чтобы онъ силенъ былъ и наставлять, и противящихся обличать (Тит. 1, 9). Да иначе, конечно, и быть не могло: достаточность богословскихъ познаній избираемаго и въ древней церкви опредѣляли епископы и учителя церковные, народъ же давалъ свидѣтельство о добромъ поведеніи посвящаемаго.

Только по этому церковному образцу и можно строить теорію выборнаго начала для членовъ клира въ настоящее время. Избирающею единицею должна быть епархія; во главѣ избирателей долженъ стать совѣтъ пресвитеровъ вмѣстѣ съ людьми, трудившимися надъ воспитаніемъ и обученіемъ кандидатовъ священства, лица, непосредственно наблюдавшие за ихъ дѣятельностью въ приходѣ, сосѣдніе приходскіе священники и наиболѣе компетентные изъ мірянъ того прихода, къ которому назначается избираемый. Утверждаетъ приговоръ избранія епископъ. Впрочемъ, возможно предоставить право и самому приходу избирать себѣ кандидата священства; но только изъ лицъ вполне правоспособныхъ къ занятію священническаго мѣста и затѣмъ узаконеннымъ путемъ ходатайствовать предъ епархіальнымъ епископомъ объ опредѣленіи своего кандидата, причемъ послѣдній не долженъ вступать ни въ какія формальныя обя-

зательства съ приходомъ. Увольненіе отъ должности такихъ священниковъ возможно только по уду епископа.

Свящ. Н. Бортонскій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

20 мая, въ субботу, наканунѣ праздника Іа-тидесятницы, всенощное бдѣніе Преосвященнѣйшій Епископъ Алексій служилъ въ каедральномъ соборѣ.

21 мая, въ праздникъ Пятидесятницы, божественную литургію Владыка совершалъ въ каедральномъ соборѣ. Поученіе за литургіей принесено прот. В. Никольскимъ. Во время малго входа возведенъ въ санъ протоіерея свящ. Аполинарій Поповъ.

Въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ Его Преосвященство выѣхалъ въ Инкерманскій монастырь, куда и прибылъ въ 11 часовъ вечера. На слѣдующее утро въ день Св. Духа Владыка служилъ въ новомъ соборномъ храмѣ обители литургію, послѣ нея совершилъ крестный ходъ съ іѣніемъ молебна къ источнику для освященія воды. Болѣе подробныя свѣдѣнія о побужденіяхъ, затавившихъ Преосвященнаго отправиться въ находящуюся близъ Севастополя Инкерманскую обитель для совершенія богослуженія въ Духовъ день о совершеніи самаго богослуженія здѣсь, находясь въ вышенанпечатанной статьѣ „Духовъ день въ Инкерманѣ“.

25 мая, въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, божественную литургію и послѣ нея царскій молебенъ Владыка служилъ въ каедральномъ соборѣ. На „Буди мя Господне“ Преосвященный сказалъ поученіе, въ которомъ говорилъ объ общемъ всѣхъ призваніи до-